

Марьян Маркович

Ареальная лингвистика в аспекте микросистем¹

В своей статье я попытаюсь изложить несколько первостепенных проблем ареальной лингвистики, относящихся к различным уровням языковой системы. Микросистемы, особенно те, в формировании которых участвовали два или более языка/идиома, предлагают богатый спектр возможностей для изучения. Одно из направлений исследования микросистем способствует подтверждению/уточнению представлений о межязыковой интерференции в пределах обширного ареала, наподобие так называемого Балканского языкового союза, другое же может показать, в какой степени получили развитие унаследованные языковые характеристики, способствующие более эффективному приспособлению (в коммуникативном аспекте) микросистем друг к другу. Первые три из рассматриваемых в статье проблем относятся к интерференции в области лексики и семантики, а четвертая – к сфере грамматической интерференции.

1. Балканская животноводческая терминология (субстрат)

Я начну с вопроса о балканской животноводческой терминологии прежде всего потому, что полевые исследования, т.е. заполнение вопросников для Общекарпатского диалектологического атласа, было одной из первых задач, решение которой уже почти 17 лет назад мне доверил научный руководитель академик Божидар Видоески. Здесь я хотел бы представить несколько лексем (из обработанных 150), в которых наиболее ярко отражаются результаты языковых контактов в балканском ареале. Следует отметить, что животноводческая терминология имеет широкое распространение, она встречается не только в балканском ареале, но и в ареале условно называемом карпатским, прежде всего из-за миграций и кочевого образа жизни балканских скотоводов.

‘овца темного цвета’

В макед. *мурга*, в аромунск. *murgă*. Общебалканское слово. В алб. *murk* имеет значение ‘темный, черный’, в румынск. *murg* – ‘темный, красно-коричневый’. Слово индоевропейского происхождения, из греч. заимствовано в лат.: *amurca*. На островах Адриатики и в Италии лексемы, образованные от этой основы, используются для обозначения осадка в оливковом масле, имеющего темно-красный цвет. Имеются параллели и с лат. *mauro* в значении ‘темный’.

¹ Этот текст является сокращенным вариантом статьи «Ареальная лингвистика од аспект на микросистемите», опубликованной в сборнике статей «Ареална лингвистика како пат кон реконструкција на јазичната и културната еволуција». Скопје, 2009.

‘овца или коза без рогов’

В макед. *шута*, в аромунск. – *šutǎ*. Слово представлено в скотоводческой терминологии всех языков карпатского и балканского ареалов, и поэтому существует множество объяснений его этимологии. Ряд ученых полагает, что слово *шута* албанского происхождения (в алб. *shutë* ‘животное без рогов’) и что на север оно попало благодаря миграциям балканских пастухов (впрочем, таким же образом была заимствована большая часть балканских скотоводческих терминов). Другие же считают, что слово имеет славянское происхождение, поскольку префикс *ко-* в слове *кошута* ‘лесное животное’ встречается только в славянских языках. Но слово *сико*, *сика* = *šuka* со значением ‘коза без рогов’ можно встретить и в швейцарских Альпах. В связи с этим некоторые исследователи предполагают, что лексема восходит к праиндоевропейскому субстрату.

‘животное с маленькими ушами’

В макед. *чула*, в аромунск. *čul'a*. Основа *čul* – со значением ‘животное с маленькими ушами’ балканского происхождения. В языках карпатского ареала имеются слова с подобным значением. Так, в румынск. *ciula* ‘овца с маленькими ушами’, в венг. – *csula*, в чешск. – *čulka*, в укр. и молд. – *чула*. З. Голлоб считает, что слово восходит к славянскому глаголу **čujō*, *čuti*, а точнее, к форме *л-*причастия глагола. Это южнославянское по происхождению слово было заимствовано в аромунский и в румынский языки, а затем благодаря балканским пастухам получило распространение в других языках.

‘бесплодная овца’

Для обозначения этого понятия в македонском и аромунском существует лексема – *шупра* (макед.), *štira* (влашск.) Эта лексема представляет собой балканский и карпатский скотоводческий термин, который встречается в большинстве карпатских и балканских языков. Например, в польск. *s(z)tera*, *s(z)tyra*; в чешск. и словацк. – *štira*; в молд. – *шупрэ*; в серб./хорв. – *шупркиња*; в алб. – *shjerrë*. Слово имеет индоевропейское происхождение (образовано от индоевр. корня < **ster-*) и заимствовано через греч. *στειρος*, родственно лат. *sterilis*, ставшему в настоящее время интернациональным (‘стерильный, стерильная’).

Все эти примеры показывают, что в животноводческой терминологии большинства балканских и карпатских языков имеется общий лексический и семантический фонд, который, хотя и подвержен различным фонетическим и морфологическим законам отдельных языковых систем, наглядно демонстрирует интерференцию и ее результаты.

Взаимовлияние микросистем двигалось по направлению к более широкому ареалу. Так, можно говорить об интерференции как о результате динамических контактов, что произошло, например, с распространением специальной

терминологии в процессе номадических миграций.

2. Названия одежды в славянском и балканском контексте (этимология, семантика)

В македонских диалектах как части славянской диалектной системы в самом широком ее понимании (с позиций «Общеславянского лингвистического атласа», далее – ОЛА) вызывает интерес этимология и семантика некоторых названий одежды.

В македонских говорах встречается множество общих наименований одежды: *облека*, *алишита*, *пл'ачки*, *одело*, *згорниште*, *горни рует*, *горна руба*, *облекло*, *горна дрешка*, *руби*, *уб'лекѧ*, *уб'л'ака*, *халишти*, *прумена рухо*, *халишта*.

Здесь я рассмотрю названия *руба*, *дрешка* и *п'вачки*, чья семантическая мотивация выходит за пределы балканских границ.

Слово (*горна*) *дрешка* ('верхняя) одежда' имеет славянское происхождение. Восходит к праслав. **derti*, в старосл. *djeti*. Встречаются основы, в которых наблюдаются чередования, поэтому серб. *razdor* и хорв. *odora* восходят к тому же корню. В лит. *dirit*, в латышск. *drat*, а индоевр. корень – **der-* 'снимать кожу/шкуру'.

Слово *руба* П. Скок считает балканским турцизмом (тур. *uruba*) итальянского происхождения (итал. *robba* < от нем. *Rauba*). В македонском, болгарском и сербском *o > y* (макед. *руба*). Встречается также в романских языках. В албанском языке используется слово *rrobë* 'одежда'.

Лексема *п'вачки* является балканской по происхождению, состоящей из греческого корня *plak-* и славянского суффикса *-ка*. В греч. *плаково*, в новогреч. *п'лашка*, в аромунск. *pleashka*, в турецк. *plaşka*, в алб. *plaçkë*.

Семантическая связь между лексемами *руба*, *дрешка* и *п'вачки* приводит нас к значению, которое присутствует и в других индоевропейских языках – 'добыча, грабеж'.

Слово *руба* восходит к итал. *roba*, которое в свою очередь происходит от нем. *Rauba* с первоначальным значением 'добыча, грабеж', второе значение – 'одежда'. В нем. имеется слово *Plunder* 'тряпье, старая одежда', а *Plunderung* означает 'грабеж'. В англ. обнаруживаем лексемы *plunder* и *robbery* со значением 'грабеж' и слово *robe* 'платье'. В далматом-романск. – лексема *рубача* со значением 'рубашка', а также 'добыча'.

Слово *п'вачки* в македонских диалектах имеет значения 'одежда, носильные вещи, белье, наряд', а форма *п'вачка* означает 'грабеж'. В алб. *plaçkë* имеет значение 'груз, багаж'.

Вышеупомянутая лексема *дрешки* восходит к **derti* 'драть, снимать кожу/шкуру'. И здесь переплетаются оба значения – 'добыча' и 'одежда'. В некоторых сербохорв. говорах *odora* имеет значения 'одежда' и 'добыча'. В Лике

употребляются слова *izdor* и *odor* со значениями ‘имущество’ и ‘добыча’. В румынск. *odor* имеет семантику ‘богатство’, ‘драгоценный камень’, восходящую к значению ‘добыча’. В хорв. встречаются слова *poderina* ‘старое платье’ и *deračina* ‘грабеж’.

Переплетение значений ‘добыча’ и ‘одежда’ можно объяснить тем фактом, что в сражениях между племенами основную часть добычи составляла одежда побежденных. Все это показывает нам, в какой мере была идентична семантическая мотивация названий одежды у большинства индоевропейских народов. Метафорическая семантика проявляет себя как обширное поле, которое в большой степени сближает индоевропейские языки.

3. Названия охоты в славянских диалектах (культурное влияние)

В этом разделе я рассмотрю названия охоты, которые встречаются по всей славянской территории, зафиксированной в ОЛА. В материале объемом 850 лексем можно выделить 11 основных корней.

Названия охоты в славянских языках в значительной мере дифференцированы, они имеют несколько типов мотивированности: сохранение общеславянского названия *лов* ‘охота’, как в македонском, сербском, хорватском и словенском; перенос значения, как в русск. *охота*; генерализация одного из способов охоты, как в польском, словацком и чешском.

Исследуемый материал не только предоставляет богатую информацию о лексико-словообразовательной дифференциации названий охоты, но и показывает определенные культурные влияния в пределах славянского ареала.

Формы лексемы **lov* в качестве единственного обозначения процесса охоты встречаются по всей македонской и остальной южнославянской территории, за исключением словенской, где, помимо лексемы *лов*, используются и другие. Интересно, что эта лексема встречается в лужицком (в одном населенном пункте), а в форме мн.ч. **lovu* также в одном русском и польском населенных пунктах.

Лексемы *polovanje*, *polovačka*, *polovka* от **pole* (< **poljo*) встречаются в польском, словацком, украинском и белорусском. Лексема **polovanje* также встречается в отдельных районах украинской и белорусской языковой территории. Интересно, что в других местах (в частности, ни в одном русском населенном пункте) не встречаются слова, образованные от корня **pol-* со значением ‘охота’.

Третья лексема, распространенная на обширной территории, – это **oxota*. В своем первоначальном значении ‘желание, намерение, склонность’ она известна на значительной части славянского ареала. В русском, украинском и белорусском, помимо этого значения, у лексемы **oxota* есть также значение ‘охота, ловля’. Одним из архаических значений этой лексемы является ‘забава аристократов’, что в принципе можно связать со значением ‘охота, ловля’, по-

сколькx охота была разновидностью аристократических забав. Форма **oxota* со значением 'охота, ловля' целиком «покрывает» русскую языковую территорию и частично белорусскую и украинскую.

Лексемы с корнем **strèl-* встречаются лишь в двух населенных пунктах Чехии и Украины и обозначают один из способов охоты – охоту с оружием.

Лексемы, образованные от корня **gon-*, распространены по всей чешской территории (чаще всего встречается форма *gonba*), кроме того, в нескольких польских пунктах (пограничных с Чехией) и в одном лужицком. Здесь вновь идет речь о генерализации одного из способов охоты (преследование дичи с собаками или соколами). Этимология известна (от **gnati* – **goniti*).

Для обозначения охоты используется и несколько лексем неславянского происхождения (*jage-*, *vadas*, *caccia*), которые встречаются на словенской, лужицкой, кашубской и прибалтийско-польской территориях, где было сильно германское культурное влияние. То же самое относится и к венгерскому культурному влиянию на юго-востоке Украины и в двух словацких пунктах, расположенных в Венгрии.

Все это показывает, что охота как род деятельности была частью локальной культурной традиции славянских народов. На это указывают и резко очерченные границы ареалов, совпадающие с границами культурных влияний отдельных стран в разные периоды.

4. Македонско-аромунские охридские параллели (непосредственный контакт – результаты)

В этом разделе я дам обзор наиболее интересных языковых характеристик, являющихся результатом интенсивных контактов македонского, аромунского и в некоторой степени албанского языков в рамках небольшого ареала (микросистемы), каковым является охридско-стружский регион.

Взаимная интерференция аромунского и охридского говора македонского языка оставила глубокие следы в структуре их систем. В центре нашего внимания находится функционирование грамматической системы, на материале отдельных грамматических категорий исследуются объем грамматикализованной информации и показатели этой информации на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Этот подход отчетливее показывает сходства и различия между говорами, в результате чего вырисовывается более ясная картина развития процессов, типичных для Балканского языкового союза.

В области сегментной фонологии и просодии особое внимание уделяется процессам, демонстрирующим глубинные параллели в периферийных македонских говорах. В особенности привлекают внимание фонологические процессы, непосредственно затрагивающие отношения между фонологической и морфологической структурами говора. Становится очевидным тот факт, что

фонологическая эволюция говора оказывает влияние на сеть морфонологических оппозиций и, следовательно, на систему грамматических показателей морфологических категорий.

Одним из параллелизмов является наличие «неясного» гласного (шва) в албанском и аромунском в тех же позициях, что и в охридском говоре македонского (например, после носовых).

Параллелизм в процессе монофтонгизации дифтонгов наблюдается не только в аромунском и охридском говоре македонского, но и в албанских диалектах. Кроме того, интересен параллелизм между тремя этими системами в дифтонгических сочетаниях со вторым членом *и*:

<i>мак.</i>	<i>аром.</i>	<i>алб.</i>
лебој	pur'taj	dhaj
стреј	trej	traj

В области консонантизма следует упомянуть фонему /s/, которая часто присутствует в примерах типа *esepo, bensun, odsadi, molsum...* в охридском говоре македонского; *bužă, žui, zaci, prănz, praz* – в охридском говоре аромунского; *xatxë, xixë, nxënës* – в албанском. Нужно также отметить еще один параллелизм между охридским говором македонского и аромунского языков, а именно, альтернатию *g/dz* в позиции перед гласными переднего ряда (чаще всего при образовании мн.ч. имен существительных):

<i>аром.</i>		<i>мак.</i>	
đu'magă	đu'maz	белег	белеси
neg	nez	нога	носе

Параллелизм между охридским говором македонского и аромунского можно заметить и в консонантных группах в финальной позиции: *-ск, -шт*, а также в переходе *-шт в -ич*:

<i>аром.</i>		<i>вариант</i>	<i>мак.</i>	
ku'nosk (1 л.)	ku'nošt (2 л.)	ku'nošč	уште	ушче

<i>аром.</i>		<i>вариант</i>	<i>мак.</i>	
munt'resk (1 л.)	munt'rešt (2 л.)	munt'rešč	сфешта	сфешча
a'nost (Sg.)	anošt (Pl.)	a'nošč	нешто	нешчо
a'ist (Sg.)	a'īšt (Pl.)	a'īšč	пришт	пришч

К этому типу процессов примыкает и морфологический сегмент данной контактирующей микросистемы, который показывает новую серию функциональных противопоставлений, возникающих, например, на стыке морфологической основы имени и постпозитивного члена и т.п.

Специфический интерес представляют механизмы выражения прямого и косвенного объектов (а также употребления предлогов *a* и *pi*), а также посесивности в широком ее понимании.

Создание единой модели для обеспечения легкой и беспрепятственной коммуникации послужило предопределяющим фактором для унификации тех языковых черт и категорий, которые в известной мере отличались друг от друга или же были совсем различными. Аромунский и охридский говор македонского приспособлялись друг к другу, используя при этом все имеющиеся в наличии языковые средства, и не только из собственного языкового инвентаря. Так, например, охридский говор аромунского утратил падежные окончания для генетива/датива и тем самым значительно приблизился к аналитической системе declinacji македонского языка.

Глагольная система – это самая динамичная и разветвленная часть грамматической системы двух микросистем. Кроме того, именно на ее основе лучше всего просматриваются пути обоюдной аромунско-македонской интерференции.

Наибольшее внимание привлекает способ, с помощью которого, под влиянием македонского языка, аромунская система передает информацию о глагольном виде, а также то, что под влиянием албанского в аромунской системе появляются зачатки категорий адмиративности и пересказывательности.

Кроме того, если рассматривать современное состояние системы сложных прошедших времен, мы можем говорить о практически единой албано-аромунско-македонской модели. С одной стороны, охридский говор аромунского, используя исконные и пришедшие из албанского языковые средства, создал такую модель, с другой стороны, охридский говор македонского, заимствовав конструкции с *имам* и *сум*, восполнил пустоты в собственной системе времен. В качестве показательных мы также можем рассматривать адмиративные кон-

струкции, которые заимствуются аромунским из албанского и включаются в систему македонского. Также значительное сходство наблюдается и в области модальных категорий. А именно, сюда следует включить конструкции с *ke* как структурным балканизмом, а также субъонктив и кондиционал, последний из которых пришел к состоянию полной идентичности (хотя в аромунском существовали специальные конструкции с кондиционалом и для настоящего времени, и для прошедших времен). Сближение двух систем наблюдается и в сфере непредикативных категорий: утрата инфинитива (как общевалканская черта), замена деепричастия глагольным существительным, сходное использование глагольных имен в определенных характерных конструкциях. Безусловно, самую серьезную проблему в понимании практически идентичной модели в сфере глагольной системы представляла различная трактовка категории вида в македонском (как славянском) и аромунском (как романском) языках. Но и здесь два говора постарались сблизиться настолько, насколько это возможно. Как результат мы можем видеть запрет на образование форм аориста от глаголов совершенного вида в македонском языке. Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о том, что в говорах существует сходное восприятие оппозиции несовершенный/совершенный вид по отношению к оппозиции имперфект/аорист. Так, в македонском и в аромунском формируется сходная система: глаголы несовершенного вида — имперфект; глаголы совершенного вида — аорист; соответственно, несовершенство (дуративность) — имперфект; совершенство (моментность) — аорист. Что же касается категории вида у сложных прошедших времен, то мы постарались показать, что между конструкциями с *имам* и *сум* существует и видовая разница. Конструкции с *сум* в охридском говоре македонского регулярно соотносятся с причастием от глаголов совершенного вида, и в аромунском у них наблюдается только значение совершенного вида. Так, конструкции с *имам* могут использоваться с определением, указывающим на продолжительность действия (*имам ручано три саати / ам маќатај треј сџџаќ*), в то время как конструкции с *сум* и в македонском, и в аромунском не допускают сочетания с подобным определением (невозможна конструкция типа *ручан сум три саати / еск маќатај треј сџџаќ*). Таким образом, интерференция между охридским говором македонского и аромунского была сильнейшей и глубоко повлияла на структуру языков. А все это, в сущности, демонстрирует, какова же величина потребности в едином мировосприятии, обусловленном, в свою очередь, необходимостью в упрощении межкультурной коммуникации.

Следовательно, фактор прагматической мотивации для сближения грамматических категорий и переноса функций отдельных форм в рамках подобных «балканских» микросистем оказывается очень важным. Кроме того, анализ языковых структур микросистем может привести нас к выводам и/или уточнению ряда положений, действительных не только для Балканского языкового союза, но и для других языковых ареалов.

Заклучение

Суммируя итоги по всем четырем разделам статьи, мы можем сказать, что в области ареальной лингвистики существует значительное количество факторов, прежде всего прагматических и семантических, которые оказывают влияние на грамматико-структурный уровень. Так, мы показали, как диалектические контакты способствовали тому, что балканская скотоводческая терминология заняла большой ареал в карпатском регионе; как исконная семантическая мотивация, присутствующая на широком индоевропейском фоне (одежда=добыча), повлияла на названия одежды в македонских говорах; как культурные контакты определенных государств/сообществ отразились на названиях охоты в славянских диалектах и, в конце концов, как многовековой и многоязыковой контакт в рамках микросистем влияет на изменение языковой структуры идиомов в направлении интенсификации аналитизма с целью упрощения коммуникации и формирования единого мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

- Балканская филология / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л., 1970.
- Видоески Божидар.* Југозападните македонски дијалекти со посебен осврт на битолското говорно подрачје. Посебен отпечаток, МАНУ. Скопје, 1988.
- Видоески Божидар.* Македонските дијалекти во Албанија // Литературен збор, год. XXXII. Скопје, 1985.
- Видоески Божидар.* Меѓујазичниот контакт (на дијалектно рамниште) како фактор за дијалектна диференцијација на македонскиот јазик // Реферати на македонските слависти за XI меѓународен славистички конгрес во Братислава. Посебен отпечаток. Скопје, 1993.
- Видоески Божидар.* Местото на охридскиот говор во западното наречје // Предавања на XVII семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид, 3–24 VII, 1984. Скопје, 1985.
- Видоески Божидар.* Охридско-струшките говори // Прилози IX, 1, МАНУ. Скопје, 1984.
- Видоески Божидар.* Тенденции во развојот на македонскиот дијалектен јазик во XIX и XX век // Прилози II 1–2, МАНУ. Скопје, 1977.
- Weigand Gustav.* Die Aromunen I, II. Leipzig, 1895.
- Weinreich Uriel.* Languages in Contact. Mouton, The Hague, 1970.
- Galton Herbert.* The main functions of the Slavic verbal Aspect, MANU. Skopje, 1976.
- Галтон Херберт.* Кратка теорија за македонскиот глаголки вид // Прилози V 1–2, МАНУ. Скопје, 1974.
- Георгиев В.* К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972.
- Голомб Збигњев.* За "механизмот" на словенско-романските односи на Балканскиот полуостров // Македонски јазик, год. XXI. Скопје, 1970.
- Голомб Збигњев.* Значењето на македонскиот јазик за балканистичките студии // При-

- стапни предавања на новите членови на МАНУ. Скопје, 1974.
- Colaț Zbigniew*. Szkic dialektu Arumunów macedońskich // Prace językoznawcze-zeszyt 4. Kraków, 1961.
- Colaț Zbigniew*. The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia SFR Yugoslavia, MANU. Skopje, 1984.
- Демирај Шабан*. Балканска лингвистика. Скопје, 1994.
- Iapachieschi-Vlahu Iancu*. Gramatica armaneasca. Crushuva, 1993.
- Илиевски Хр. Петар*. Балканолошки лингвистички студии. Скопје, 1988.
- Јашар-Настева Оливера*. Македонскиот јазик и другише балкански јазици // Предавања на IV семинар за македонски јазик, литература и култура. Охрид, 1971.
- Јашар-Настева Оливера*. Местото на македонскиот јазик во Балканската јазична заедница // Предавања на XXII семинар за македонски јазик, литература и култура. Охрид, 1989.
- Koneski B., Vidoeski B., Jasar-Nasteva O.* Distribution des Balkanismes en Macédonien // Actes du premier congrès international des études Balkaniques et sud-est europeennes, VI. Académie Bulgare des Sciences. Sofia, 1968.
- Конески Блаже*. Граматика на македонскиот јазик. Култура. Скопје, 1981.
- Конески Блаже*. Историја на македонскиот јазик. Култура. Скопје, 1982.
- Корончевски Анджеј*. Македонската конструкција имам+participium praeteriti како балканизам // Македонски јазик, год XXX. Скопје, 1979.
- Kravar Milivoj*. Pitanja glagolskog vida u latinskom jeziku // Ziva antika 6. Skopje, 1980.
- Mioara Avram*. Gramatica pentru toți. București, 1986.
- Настев Божидар*. Аромански студии. Огледало, Скопје, 1988.
- Papahagi Tache*. Dictionarul dialectului aroman. Bucuresti, 1974.
- Topolińska Zuzanna*. Zarys gramatyki języka macedońskiego. Instytut filologii Słowiańskiej. Kraków, 1995.
- Тополињска Зузана*. За прагматичната и семантичната мотивација на морфосинтаксички балканизми // Прилози XVI. МАНУ. Скопје, 1992.
- Trifunski Jovan*. Die Arumunen in Mazedonien // Balcanica II. Beograd, 1971.
- Трпкоски Вангел-Трпку*. Власите на Балканот. РО Напредок, Тетово; Скопје, 1986.
- Fiedler Wilfried, Buchholz Oda*. Albanische Gramatik. Leipzig, 1987.
- Fiedler Wilfried*. Das aromunische Verbalsystem in balkanologischer Sicht // Beitrage zur rumänischen Philologie. Berlin, 1968.
- Fiedler Wilfried*. Zu einigen problemen des admirativs in den Balkansprachen // Actes du premier congrès international des études Balkaniques et sud-est européennes, VI. Académie Bulgare des Sciences. Sofia, 1968.
- Фридман Виктор*. Адмиративот во балканските јазици: категорија против употреба // Македонски јазик XXXI. Скопје, 1980.
- Фридман Виктор*. Граматикализацијата на балканизмите во македонскиот јазик // Македонски јазик, бр. 51–52, 2000–2001. 31–38.
- Friedman A. Victor*. Gramatical Categories and a Comparative Balcan Grammar // Ziele und Wege der Balkanlinguistik, Band 8. Berlin, 1983.

- Friedman A. Victor.* A newly discovered gramatical form in the Arumanian dialect of Beala de Sus // The Newsletter of the Society Farsarotul, Volume X, Issue 2, Trumbull CT, 1996.
- Friedman A. Victor.* Surprise! Surprise! Arumanian has had an Admirative! // Indiana Slavic Studies, vol. 7, pp. 79–89, 1994.
- Friedman A. Victor.* The Gramatical Categories of the Macedonian Indicative, Slavica Publishers, Inc., Columbus, Ohio, 1977.
- Friedman A. Victor.* The Pluperfect in Albanian and Macedonian // Folia Slavica, vol. 4, 2–3, 1981.
- Capidan Theodor.* Aromâni, Dialectul aromân. Academia română. București, 1932.
- Caragiu-Marioteanu Matilda.* Fono-morfologie aromână. Academia romană, București, 1968.
- Comrie Bernard.* Aspect. Cambridge, 1976.
- Cristo-Loveanu Elie.* The Romanian Language. Columbia University, 1962.
- Черник А.Б.* Арумынский язык // Основы балканского языкознания. Л., 1990.
- Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / P. Skok.* Zagreb, 1971.
- Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Bruckner.* Warszawa, 1957.
- Български етимологичен речник.* Българска Академия на науките. София, 1971.
- Słownik etymologiczny języka polskiego / Franciszek Slawski.* Kraków, 1958.
- Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum / Franz Von Miklosich.* Wien, 1865.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986.

Перевод с македонского Н.В. Боронниковой, М.М. Макарецва